

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director

TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 26 de agosto de 1969

Буэнос Айрес, вторник 26 августа 1969 года № 1018

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

378. ПОЕЗДКА ПРЕЗИДЕНТА НИКСОНА И РЕАКЦИЯ СССР. — Г. И. ВОРОВОВ ПРИЗНАЕТ КРАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОБВИНЯЕТ В ЭТОМ МИНИСТРА ГУЩИНА. — “ЛЕНИНСКАЯ” ОППОЗИЦИЯ БРЕЖНЕВСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕАБИЛИТАЦИИ СТАЛИНА. — ПОБЕГ ИЗ СССР ПИСАТЕЛЯ АНАТОЛИЯ КУЗНЕЦОВА. — ГИБЕЛЬ КОМАНДУЮЩЕГО СТОЛИЧНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНОЙ ГЕН. В. РАДЧУКА И КАТОЛИЧЕСКОГО ЕПИСКОПА ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА ВАСИЛИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО. — СЪЕЗД РУМЫНСКОЙ КОМПАРТИИ

С напряженным вниманием и худо скрываеваемой тревогой следили в Москве за поездкой президента Никсона. Печать старалась уделять ей поменьше строк, но вынуждена была отметить, что он предложил на совещании в Гуае новую стратегию, которая заключается в создании во всех угрожаемых коммунизмом странах собственных национальных сил, вооруженных и обученных американцами, которые вмешиваются посылкой своих войск лишь в случае вступления в войну стран, обладающих термоядерным оружием, т. е. СССР или Китая. При этом он отметил, что американские контингенты будут отозваны из тех стран, где расквартированы (Южная Корея, Южный Вьетнам, Таиландия, Лаос) только по достижении местными вооруженными силами мощного военного потенциала.

Надо заметить, что южно-корейские части, сражающиеся во Вьетнаме, считаются лучшими по боевому духу и бое-способности, наводя ужас на регулярные части Сев. Вьетнама. Этого же уровня закаленных бойцов против коммунизма должны достигнуть силы других стран.

Дикую злобу западноевропейской коммунистической печати вызвала поездка президента в Индонезию, страну, испытавшую угрозу коммунизации и от-ветившую истреблением двухсот тысяч коммунистических боевиков — террористов и партизан. Сближение правительства генерала Сухарто с США пугает не только Пекин, но и Москву.

Установив, что Таиландия является самым слабым звеном в антикоммунистической коалиции, Никсон обещал, что американские войска там будут улучшены и примут участие в борьбе не только против вторгающихся северных вьетнамцев, но и против местных партизан.

Визит Никсона с супругой в постоянно обстреливаемую столицу Южного Вьетнама, куда его предшественник не рисковал показаться, посещая лишь американские лагеря, вызвал энтузиазм и подкрепил авторитет президента Вьетнама, которого травит левая печать всего мира. Менее знаменательны посещения Индии и Пакистана, но зато триумфом американской дипломатии явилось посещение Бухареста.

Здесь надо пояснить, почему к Румынии СССР до сих пор относится снисходительнее, чем к Чехословакии. Дубчек повел партию и страну по пути демократизации коренных внутренних реформ, которые могли вызвать симпатии недовольных коммунизмом в других “народных демократиях” и в самом СССР, а Чауцеску провозглашает независимость от Москвы, дружит с Пекином и Израилем, спорит по вопросам международного коммунистического движения на совещании в Москве, но внутри своей страны ни в чем не отступает от коммунизма брежневского типа. Поэтому Брежневу гораздо труднее выступать против него. Народ Румынии это понимает. Румыны говорят, что Чауцеску “спас нас от опытов Дубчека и

тем спас также от “помощи” московских друзей”.

Никсон с супругой и вся их дипломатическая свита были поражены тем неподдельным всенародным энтузиазмом, с которым их встречали, видя в американцах врагов советских угнетателей. Впервые аплодировали с народом полицейские и охранники, с рабочими — лидеры профсоюзов, с крестьянами — вся беспартийная интеллигенция. При этом обе стороны избежали антисоветских выпадов, но народ отлично понял антисоветское значение визита президента, возглавляющего не только капиталистическую Америку, но и военную коалицию НАТО и самые мощные антисоветские военные силы в мире.

В Москве просто растерялись: газеты сначала помешали по три строчки о прибытии и отбытии президента Никсона, но потом “Правда” разразилась статьей,

где не смея называть Румынию, пишет, что военные силы Варшавского Пакта должны обеспечить верность всех его участников. Но трудно одним угрозами держать в повиновении ненавидящих СССР солдат стран Восточного Пакта. А тут еще нависла над советским Дальним Востоком угроза китайского нападения на любом участке границы в 3 тысячи километров длиной.

Пекинская пропаганда уверяет, что СССР просит военной помощи у Японии и Индии, но первая на это не пойдет, пока СССР не заключит мир с возвратом южной части Курильских островов.

При столь сложной внешней обстановке советскому руководству приходится признавать свои ошибки и во внутренней политике. Сессия Верховного Совета СССР прошла благополучно под знаком усиления террора и ухудшения условий заключения с созданием особых лагерей, о чем я писал в прошлый раз.

Но не так благополучно прошла затем сессия Верховного Совета РСФСР. После полного обычной похвалы доклада министра сельскохозяйственного строительства Гущина начались жалобы на крах этого строительства. Это предвидел премьер РСФСР и член политбюро Г. И. Воронов, который поспешил принести в жертву своего министра, благо, он не является ни членом или кандидатом ЦК, ни даже членом Центральной Ревизионной Комиссии.

Воронов заявил, что доклад Гущина не отличался скромностью, в то время

Монархию российскую будут или не будут восстанавливать те люди, которые сейчас проживают в СССР, — в основном, конечно, к о л х о з н и к и.

Иван СОЛОНЕВИЧ

как его министерство практически ничего не сделало для строительства на селе и использовало отпущенные ему средства не по назначению. Надо быть требовательным к министрам и судить их не по обещаниям, а по делам. Нужно требовать выполнения директив партии и правительства, а не ограничиваться бюрократическим формализмом и растратой отпущенных средств не по назначению.

Нечего и говорить, что сейчас же депутаты накинулись на министра, как спущенные с цепи собаки: зам. председателя Совета министров РСФСР В. И. Демченко начал говорить, что при постройке новых зданий строители отступают от проектов — потолки ниже, стены тоньше, окна ставятся реже, меньше в квартирах воздуха и света. Строительные и ремонтные работы ведутся вручную без применения механизмов. Дома сдаются жаждущим их получить жильцам без готового водопровода и канализации. Слишком мало сел снабжается всдопроводом и по прежнему бабы на

А. АНАТОЛЬ (АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ)

ПРАВДА О МОЕМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ *

КАК ФАЛЬСИФИЦИРУЮТ КНИГИ

Десять с лишним лет назад я был никому неизвестным студентом Литературного Института. Я написал и предложил журналу “Юность” роман о молодом человеке, поехавшем работать в Сибирь. Описывал жизнь, какова она была, (я сам проработал в Сибири бетонщиком), с ее трудностями, нищетой, но и с упрямой верой молодости в лучшее, в какое-то конечное добро. В “Юности” роман понравился счень, но публиковать — сказали мне — нельзя, не пропустит цензура, власти закроют журнал, а меня арестуют или в лучшем случае передо мной навсегда закроется путь в литературу. Жизнь в Сибири нужно показать прекрасной, чтобы молодежь ехала туда, но главное, если мой роман опубликовать, западная пропаганда ухватится за него и закричит: “Смотрите, вот честное свидетельство из самого Советского Союза, как страшна в нем жизнь!” Правда, роман можно бы спасти, метод социалистического реализма позволяет немного показывать и плохое в советской жизни, но с оговоркой, что оно случайно, скоро будет устранено, а в целом произведение должно быть бодрым, коммунистически идейным. Из моего романа “Продолжение легенды” можно убрать особо темные тона, добавить розовых, несколькими лозунгами добавить коммунистической бодрости — тогда может и опубликуют. Опытные писатели мне советовали: “Так надо, нужно донести до читателя хоть что-нибудь, а читатели у нас прекрасно разбираются — что написано автором от души, а что для профформы. Все так делают”. Я так не умел. Долго, долго роман лежал без всякой надежды. Потом я заставил себя и дописал куски настолько выпадающие из общего стиля и издевательски бодрые, что никакой чи-

татель, действительно, не принял бы их всерьез. Я был молод и неопытен. И такая работа редакторов не устроила. Роман отвергли на совсем. Очень я переживал. Спорил, дошел чуть ли не до истерики и уехал из Москвы. Однажды случайно купил “Юность”, развернул и не поверил глазам — мой роман опубликован. Бросился читать и тут волосы у меня встали дыбом. Без всякого моего ведома и согласия кто-то проделал над романом топорнейшую работу — купюры, переделки, замены, и роман приобрел такой уж идейно-бодрый вид, что дальше некуда. Помню, я тогда заплакал от горечи и бессилия. И пошло мое “Продолжение легенды” в таком виде гулять по свету. Его перевели на более, чем тридцать языков, хвалили печать, включили в списки для школьного чтения, стали появляться подражания. Позже критика называла меня родоначальником новой молодежной повести в советской литературе. Видимо, все-таки что-то человеческое в романе осталось, потому что даже в таком виде людям он нравился. Особенно популярным он стал в Чехословакии, выдержал там пять или шесть изданий — е-

ли не ошибаюсь. Но это было потом, а сперва разразился скандал. Из Франции был прислан экземпляр антисоветской книги “Звезда в тумане” и это был точный перевод моего романа. Меня вызвали в иностранную комиссию Союза писателей. С многозначительным ледяным молчанием положили передо мной “Звезду в тумане” и перевод-предисловие к ней. Переводчик — господин Шалей писал, что среди советских книг мой роман тронул его правдивостью и искренностью и он рекомендует читателям это свидетельство молодого, честного писателя из самого СССР, показывающего, как страшна в нем жизнь.

КАК СОЧИНЯЮТСЯ ПРОТЕСТЫ

Тут меня заперли в каком-то кабинете и так, под замком, я долго сидел, перелистывал “Звезду в тумане” и думал. Кое-как я понял в чем дело. Господин Шалей всего-навсего не стал переводить те самые бодряческие, вынужденно написанные главы, а только пересказал их, заметив, что художественно они слабее других. Он точно понял меня. Позднее я узнал, что когда-то он был миссионером в Китае и совершенно безвинно попал в концлагерь в Сибирь, как раз в

*) “Наша Страна” воспроизводит полный русский текст статьи писателя Анатолия Кузнецова, опубликованной в лондонской газете “Дэйли Телеграф” от 7-го августа текущего года.

Эта статья является, собственно говоря, заметкой-приложением к письму французскому министру юстиции. Письмо публикуется на первой странице газеты “Дэйли Телеграф”. В своем письме Кузнецов заявляет о своей готовности теперь дать показания в пользу французского издательства. Кузнецов объясняет свой поступок, то есть то, что он несколько лет тому назад возбудил дело против французского издательства “Эммануэль Витте”. Вот, что он пишет:

“Но живя в чудовищном государстве СССР, под давлением и под диктовку советских чиновников, поддавшись собственному страху, я написал неискреннее заявление в ваш суд, чем ввел его в заблуждение — что и привело к судебному процессу со всеми последствиями”.

Далее Кузнецов говорит:

“Я ношу в себе этот крест десять лет. Я больше не могу молчать”.

коромыслах несут воду из старых колодцев в новые дома. Вне больших городов до сих пор нет коммунального автотранспорта. В отчетах шеголяют количеством выстроенных и заселенных домов, не думая об обеспечении своевременно жильцов водопроводом и уборными и, особенно, запроектированной газовой кухней.

Другие ораторы жаловались на загрязнение питьевой воды отбросами промышленных предприятий. Отсутствует очистка сточных вод.

Много говорится об увеличении числа частных автомашин, но нигде не предусмотрено устройство бензиновых колонок и гаражей для этих машин.

Один из ораторов упомянул, что за последнее столетие в России выстроено 583 новых города.

Верховный Совет решил, что одними государственными средствами кризиса с жильем не одолеть, а потому призывает крестьян самим строить себе дома, не дожидаясь государственного строительства, для которого создано это министерство. Кроме того отпущено 320 миллионов рублей на постройку в колхозах и совхозах парников и овощехранилищ, чтобы впредь не погибало так много овощей, как это случилось в прошлую суровую зиму 1968-69 гг.

На этой сессии говорилось все время о постройке жилищ, которых требует население. Это требование так грозно звучит, что позабыли потешить депутатов обещанием постройки всяких клубов и театров, кино, стадионов. Гораздо важнее дать населению бань, прачечные, амбулатории, родильные дома, аптеки, в которых так нуждается сельское население РСФСР, не говоря о других Советских Республиках.

После 1926 г., когда Крупская пыталась защищать Зиновьева, к оппозиции которого сама принадлежала, в руководящих кругах было пущено в защиту позиции Зиновьева, Каменева, Крупской пресловутое «вдовье письмо», подписанное самой Крупской и вдовами Дзержинского, Ногина, Владимирова, Свердлова и других видных соратников Ленина. Но Сталин не посчитался с вдовьим письмом и так припугнул вдов, что они поскорее сняли свои подписи и отказались от всякой явной оппозиции.

Это мне напомнило составленное теперь «Обращение к ЦК» от детей ре-

рессированных Сталиным ленинских соратников, которые протестуют против попыток реабилитации Сталина и требуют от ЦК партии поставить к столетию со дня рождения Ленина памятник верным ленинцам, которые были казнены Сталиным в ежовщину, в годы войны и борьбы против космополитов. Любопытны подписи этих вдов и детей казненных ленинцев, которые стоит привести, чтоб показать, сколько среди них было палачей и чекистов, казненных своими приемниками по террору: Лев Петровский, сын начальника охраны Кремля — тухачевца П. Г. Петровского и внук быв. председ. ЦИК Украины Г. И. Петровского, в честь которого Екатеринбург переименован в Днепропетровск. А. В. Антонов-Овсеенко, сын В. А. Антонова-Овсеенко, который овладел Зимним Дворцом и отправил Временное Правительство в Петропавловскую крепость. Юрий Ларин, сын Н. И. Бухарина и внук Юрия Ларина, С. К. Радек, дочь Карла Радека, П. Якир, сын командира Ионы Якира, палача офицеров в Киеве, который добавил подпись своей дочери Есфири, А. Бокий, дочь жуткого петроградского чекиста Глеба Бокия, Г. Акулов, сын зам. начальника ОГПУ И. А. Акулова, С. В. Станкова, дочь вождя рабочей оппозиции Н. Осинского (князя Оболенского, старого подпольщика) Г. Полещук, дочь командующего войсками, взявшим штурмом Кремль в ноябре 1917 года Н. И. Муралова, видного троцкиста, З. Серебрякова, внучка расстрелянного троцкиста, б. секретаря ЦК Серебрякова, С. Федоров, сын члена ЦК в 1917 г. Г. Ф. Федорова, В. Шмидт, сын министра труда, бухаринца В. В. Шмидта, Д. Богораз, дочь известного безбожника-академика Тана-Богораз, выбравшего псевдоним Богораз, как знак борьбы против Бога, Н. Попов, сын автора «История КПСС» Н. Н. Попова, М. Иванов, внук М. И. Калинина, мать которого была сослана, Иосиф Пятницкий, сын секретаря Коминтерна Фрейтага-Пятницкого, И. Шляпникова, дочь лидера рабочей оппозиции А. Шляпникова, Ария Рейнгольдновна Берзина, дочь чекиста Рейнгольда Берзина, В. Енукидзе, сын расстрелянных Авеля Енукидзе и его жены Тамары, Татьяна Смилга, дочь расстрелянных троцкиста Тимофея Смильги и его жены, дочери расстрелянного также коммуниста Яна Полуяна, Юлия Сапронова, дочь расстрелянного после

десяти лет пребывания в политизоляторе Т. В. Сапронова, тоже лидера рабочей оппозиции, Н. Демченко, сын секретаря ЦК Украины Н. Н. Демченко. К ним присоединились сын беспартийного академика Н. И. Вавилова, и сын меньшевистского лидера А. Гастева. Этот список может показаться скучным тем, кто не знает мрачную роль, которую сыграли большинство их отцов в ленинскую эпоху. Эти отцы закабалили русский народ и сами при Ежове погибли жертвами созданного ими режима. У них уцелели дети, которые теперь сами оплакивают эпоху, когда их отцы правили страной и тиранили народ. Руками извергов Сталина и Ежова совершился над ними Божий Суд. Конечно, Брежнев не подумает поставить памятник этим тиранам и палачам, который при свержении большевизма был бы разрушен, как русские люди, а не немцы, сами разрушали всякие памятники Маркса и Ленина в первые же дни германской оккупации от Пскова до Краснодара, от Минска до Смоленска и Орла. Все же интересно отметить, что и эти вспомнившие свое привилегированное детство люди, теперь смеют подавать заявления в ЦК и протестовать, они, которые смиренно сидели по концлагерям и ссылкам, откуда вышли милостью теперь свергнутого Хрущева после реабилитации отцов и матерей.

Из статьи напечатанной в предыдущем номере «Нашей Страны» читатели уже знают все подробности бегства в Англию известного советского писателя Анатолия Кузнецова, но я считаю своим долгом выяснить политическое значение этого поступка. Кузнецов считался настолько надежным, что прошлой весной после исключения Евгения Евтушенко и Василия Аксенова из редакции журнала «Юность» туда ввели именно Кузнецова. Он наверное знал, что Великобритания не выдала ни Тарсиса, ни инженера Ленчевского, а потому решил именно там просить убежища. Чтоб получить командировку в Англию, Кузнецов стал хлопотать о поездке в Лондон, чтобы там по британским документам в архивах Национальной библиотеки «Бритиш Музеум» установить, как жил в Лондоне Ленин, какие книги брал в библиотеке и затем написать к столетию его рождения книгу «Ленин в Лондоне». Пока шли эти хлопоты, он занялся дома фо-

тех местах, которые я описывал в романе. Его выручил Международный Красный Крест. То-то он меня так понял!

«Звезда в тумане» была лучшим из всех изданий, а я сидел и думал: «Что же теперь будет, закроют ли «Юность», арестуют ли меня, или только навсегда отрежут путь в литературу?» Наконец, дверь открылась, меня провели в другой кабинет. «Ну, — спрашивают — написали антисоветскую книгу?» «При переводе сократили главы», — пробормотал я. «Тогда садитесь и пишите протест, Луи Арагон опубликует его в своей «Леттр Франсез» и, он просит написать заявление во французский суд. Может удастся возбудить дело». Тут же мне дали перо, чистый лист и продиктовали заявление. Я был подавлен, у меня дрожали руки, и до сих пор сколько ни стараюсь, не могу вспомнить ни одной формулировки этого заявления. У меня его тотчас взяли и иностранная комиссия сама его запечатывала и отсылала, а меня отпустили, велел завтра принести аргументированный и гневный протест для «Леттр Франсез».

КАК СПАСАЮТ ШКУРУ

Всю жизнь я жил в России и другой жизни не знал. А в той жизни выживает лишь тот, кто постоянно спасается. «Продолжение легенды» — это был мой первый роман, моя первая книга. С ней я был принят только что в Союз Писателей. Я жил в студенческом общежитии, куда не пускали жену. Мы с ней много скитались и бедствовали и, не имея квартиры, восемь лет не могли позволить себе ребенка. Теперь, как член Союза, я мог надеяться на квартиру, кроме того предстояла защита диплома и именно «Продолжение легенды» было моей дипломной работой. В те дни свежи были истории с романом Дудинцева «Не хлебом единым» и «Доктором Живаго» Пастернака, трагическая судьба которого известна. А Синявский и Даниэль были еще впереди.

Я не принес протеста на следующий день, не мог должным образом настроиться, чтобы написать его. Вам не при-

ходило перерезать шею теленку? Его жалко, но вы возбуждаете в себе дежурную жестокость. Полоснуть ножом жутко только в первый раз. Потом от брыкания теленка и крови вы возбуждаетесь, как палач, звереете и режете судорожно, пока он не умрет. Примерно так я возбудил в себе «дежурную» советскую фразеологию ненависти и протест под заглавием «Литературный разбой» получился.

Литературный разбой надо мной совершила «Юность», а я обвинил в этом издательство Вите. Фальшивку выпустили в СССР, а я обозвал фальшивкой перевод аббата Шалей. Мой протест напечатали «Литературная газета», «Леттр Франсез» и еще многие газеты о нем писали.

КАК СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ СУДИТСЯ

Однажды вдруг меня вызывают в иностранную комиссию, галопом отправляют в ресторан, сажают за богатый стол, за которым человек десять джентльменов пьют, едят и весело говорят по-французски. Я был ужасно одет, стеснялся незнания языка, не понимал, зачем сижу тут, пока сосед не наклонился и не сказал по-русски: «Что вы так неприлично молчите — это же встреча с вашими адвокатами из Франции — скажите что-нибудь». В конце концов адвокат г-н Амер поговорил со мной минут десять, сообщил, что во Франции будет суд по моему иску и неуверенно пообещал, что может понадобиться мое присутствие. Затем он уехал осматривать достопримечательности, покупать пластинки с классической музыкой и больше я его не видел. Вероятно я ему не понравился, потому что когда через полгода приятель закричал мне по телефону! «Прочти газеты, ты же судишься во Франции!» — Я понял, что суд начался и начался без меня.

Я побежал в киоск за газетами и дальше каждое утро бегал и так с любопытством узнавал, как я сужусь. Особенно мне понравились обильные места в речах господина Амера, когда он повто-

рил: «Когда я был в Москве и встречался с господином Кузнецовым»... Также пораженным я узнал, что от моего имени выступает сам Морис Гарсон, член французской Академии. Также из газет я узнал решение суда о штрафе в тысячу франков в мою пользу. Самого решения я не получил, так же как и тысячу франков и по сей день не знаю, куда они делись. Зато приятели много издевались надо мной на этот счет и требовали показать франки.

КАК БОЛИТ СОВЕСТЬ

Я до сих пор не знаю, кто так умело организовал этот процесс? Луи Арагон? Но его имя не фигурировало в газетах. Во всяком случае после процесса меня включили в делегацию писателей, ехавшую в Париж, в связи с советской выставкой.

Правда, меня отправляли на особые, чрезвычайно любопытных условиях, но о них я расскажу в другой раз. И в Париже сразу же повели к Арагону, которому я опять-таки не понравился. А о процессе он избегал говорить. Выйдя от Арагона, я спросил у прохожих, где находится министерство юстиции. Пришел к нему, стоял несколько минут и с похолодевшим сердцем думал: «Войти? Сказать?» Вспомнил Россию, мать, жену, сына, которых очень любил, повернулся и... пошел прочь. Я тогда решил, что случилось мое большое несчастье, когда черт дернул меня «с умом и талантом родиться в России», но что судьба моя решилась в ту минуту, когда я написал под диктовку заявление. Сказавши А, говорят Б, и я обязан и обречен жить как все советские писатели, то есть помалкивать, спасаться и пытаться доносить до читателя хоть что-нибудь. Это было справедливо — только я не предполагал, что боль совести может довести до ужаса. Я не думал, что совесть, это так страшно! Эту мою объяснительную с подробностями записку прилагаю к моему заявлению во французский суд.

А. Анатолий

(Анатолий Кузнецов)

тографией и настолько изучил ее технику, что сам переснял на микрофильмы два своих антисоветских произведения, которые намерен издать в свободном мире.

Надо сказать, что известны его романы «Продолжение легенды» о строительстве Братской гидроэлектростанции «энтузиастами» строительства, «Бабий Яр» о «зверствах» немцев в оккупированном Киеве; там рос автор, которому в годы оккупации 1941-44 гг. было 12-15 лет. Второй роман был переведен и имел успех на Западе за его антигерманский характер. В СССР же автора покривили за то, что он в романе «Бабий Яр» верно описал как в Киеве немцы только евреям казнили за происхождение, а из украинцев и русских казнили лишь партизан, диверсантов и шпионов, которых Кузнецов воспевае. Между тем Хрущев приказал писать, что делается до сих пор, что немцы истребляли украинцев и русских тоже по расовому признаку, чтоб уничтожить эти народы. Перед самым отъездом Кузнецову влетело от критики за новый роман «Огонь» из современного быта рабочих за то, что описывает случаи пьянства, лени, очковитательства, подкуп мастеров подчиненными, вместо того, чтобы изображать энтузиастов, ударников и безупречных строителей коммунизма. Эта критика укрепила его решимость вырваться из советского мира и Кузнецов поехал в Лондон, везя микрофильмы романов, еще неискверенных советской цензурой.

В Лондоне он встретился с английским журналистом и затем «пропал». Посольство потребовало его поисков, но вскоре стало известно, что он просил политического убежища. Тогда посольство стало добиваться с ним свидания, но получило ответ, что он свидания не желает, а просит передать в посольство три его письма на имя ЦК КПСС, на имя председателя совета министров СССР А. Н. Косыгина и наконец в Правление Союза советских писателей.

Посольство продолжало настаивать на свидании, в ответ на что были опубликованы полностью три его письма: в первом 39-летний писатель возвращает партбилет и отказывается быть членом партии, в которую принят в 1955 году. Во втором отказывается от советского подданства и издевательски сообщает премьеру, что он целый год подготавливал свой побег, хлопоча командировку для изучения материалов о лондонском периоде жизни Ленина.

Но самое резкое письмо адресовано Союзу Советских Писателей: он говорит, что уважающий себя и литературу человек не может работать, будучи членом этого Союза: пока был Сталин, от писателей требовали его восхваления, при Хрущеве заставляли в романах воспевать посевы кукурузы, а теперь это запрещено. Сначала велено было восхвалять Сталина, а потом имели успех и печатались лишь произведения, которые его поносили. Теперь нельзя было бы похвалить реформы Хрущева или пропагандировать кукурузу, но никто не знает, кого в близком будущем ему прикажут в журналах воспевать, а кого обливать грязью. Тут ясный намек на возможность падения современных временщиков, которых ждет судьба Хрущева, если не ссылка, как Маленкова и Кагановича, или смерть, как Сталина и Берия.

Поступок Кузнецова вызвал растерянность в посольстве: сначала продолжали настаивать на свидании, утверждая, что пока консул лично с ним не переговорит, можно допустить, что письма написаны под моральным давлением. На что в министерстве ответили, что он просил политическое убежище и оно писателю уже предоставлено. Кузнецову геределано пожелание консула о свидании, на что он ответил посылкой в посольство трех писем, уже доставленных к посольству, на чем разговор исчерпался.

Пока посольство еще лепечет, что письма написаны под моральным давлением. Союз советских писателей исключил его из своих членов за государственную измену. Значит, в Москве прекрасно понимают, что Кузнецов сознательно изменил партии и советскому правительству.

Любопытно, что Кузнецов заявил, что стыдится тех произведений, которые вынужден был писать, как «Продолжение легенды» или «Бабий Яр», поэтому отказывается не только от партии и подданства, но и от «Анатолия Кузнецова», который писал под давлением, чтоб печат-

таться в советских журналах. Отныне будет писать лишь в свободном мире, свободно творя и подписывая «А. Анатолю».

Поэтому я воздерживаюсь от критики лживых романов «Продолжение легенды» и «Бабий Яр», которые я читал в советских журналах, раз сам автор от них отказывается и стыдится, что их написал. Все поведение Кузнецова приводит к важному выводу: режим противен тем, кто ему вынужденно служит. От коммунизма отказывается одинаково дочь Сталина, писатель, малоизвестный и считавшийся душевнобольным, как Тарсис, партийный инженер Ленчевский и наконец видный советский писатель, принадлежащий к поколению, родившемуся в начале первой пятилетки и выросшему в годы войны и германской оккупации. Кузнецов ее пережил в отроцестве и не погиб от нее, а стал писателем и коммунистом уже после смерти Сталина, считаясь пусть иногда критикуемым официальной критикой, но вполне надежным для брежневского режима. После его бегства трудно сказать, на кого может положиться советское правительство. Считали ненадежными Евтушенко, Ахмадулину, Вознесенского или Окуджаву, но Кузнецову органы государственной безопасности вполне доверяли. Теперь им будет еще труднее решить, кого вообще из писателей можно выпускать на воляный свет.

Любопытно отметить, что газета «Советская индустрия» в самый день, когда стало в Москве известно бегство Кузнецова, выступила с резкими обвинениями против поэта А. Т. Твардовского и редактируемого им журнала «Новый Мир». Она в лицемерной форме помещает письмо, якобы написанное рабочим завода в Подольске, который протестует против изображения в «Новом Мире» рабочих пьяницами, лишенными идеалов, а жизнь советской деревни грустной и серой.

Интересно, что итальянская коммунистическая газета «Унита», обвиняя Кузнецова в измене родине, выражает надежду, что он раскается в своем поступке, когда ближе познакомится с западными антикоммунистическими кругами и с русской эмиграцией. Его бегство затрудняет положение всех советских писателей, которые борются с пережитками культуры личности, ибо теперь их будет легче обвинить во враждебности к режиму. Бегство Кузнецова оправдывает нападки на тех писателей, которые работают над прогрессом на родине. В то же время «Унита» берет под свою защиту Твардовского и говорит, что можно критиковать некоторые помещенные им повести или романы, больше показывающие отрицательные стороны строительства социализма, но одними нападками на честных писателей, как Твардовский, можно принести больше вреда, чем пользы делу этого строительства.

Для меня ясно, что Кузнецов нанес партии и правительству сильный моральный и политический удар. Он обещает поместить в британской печати ряд статей, в которых покажет удушливую обстановку давления ЦК партии на писателей и интеллигенцию в первую очередь и на все население страны, обстановку всеобщего лицемерия, без которого нельзя «выйти в люди» даже талантливому и трудолюбивому человеку. При этом надо подчеркнуть, что сопротивление оказывают и бегут из несчастной страны люди, родившиеся много лет спустя после революции и в их решении нельзя винить «старый режим».

В возрасте 50 лет внезапно скончался при исполнении служебных обязанностей генерал-майор авиации **Василий**

Радчук, начальник противовоздушной обороны столицы. Никаких деталей его смерти «Красная Звезда» не сообщает. Остается догадываться, что исполнение служебных обязанностей выражалось в проведении маневров по противовоздушной обороне Москвы, но вполне возможны и другие причины (вспомним недавний мор среди генералитета).

Только в начале августа Ватикан через свои органы осведомления узнал, что в конце июня в Львовской тюрьме скончался католический епископ восточного обряда **Василий Величковский**. Как известно, католики латинского обряда (литовцы) пользуются относительной свободой по типу Московской Патриархии, но восточный обряд преследуется наряду с нашей православной потаенной, не признающей Патриарха Церковью, столь же непримиримыми баптистами, отколовшимися от коммунистопослушных баптистов, с адвентистами и свидетелями Иеговы, почитаемыми американскими шпионами. Обстоятельства смерти католического епископа Василия неизвестны, но есть предположение, что смерть последовала после мучительных допросов с применением средств, о которых нам хорошо известно.

8-го августа открылся очередной съезд румынской компартии, отложенный на неделю вследствие визита президента Никсона. На нем ясно отразились последствия этого визита для Румынии. Всегда пренебрегающий командовать на все съезды коммунистических партий стран-сателлитов Брежнев впервые отказался приехать и не пустил на съезд Подгорного, Косыгина и Сулова, ни даже члена политбюро А. П. Кириленко. Советскую делегацию из второстепенных фигур возглавляет секретарь ЦК по руководству компартиями стран-сателлитов **К. Ф. Катусев**. Последнего встречал равный ему по рангу второстепенный секретарь. На открытии съезда Катусев мрачно сидел в президиуме и ни разу не аплодировал при появлении Чауческу и ни во время, ни после его пятичасового доклада, вызвавшего овации, когда он говорил, что отношения между коммунистическими партиями должны строиться на полном равноправии, а отношения между государствами — на принципе невмешательства в чужие внутренние дела. Первое и второе — прямая измена коммунизму: Ленин требовал в Коминтерне слепого повиновения себе всех иностранных компартий и строил отношения с иностранными государствами на поддержке подрывной работы их компартий и организации восстаний в их колониях.

По директиве Москвы прочие союзники по Варшавскому пакту прислали также второстепенные фигуры во главе своих делегаций, которые были сухо встречены столь же второстепенными румынскими партийцами. Чауческу лично встречал только прибывшую из СССР старуху Долорес Ибаррури, известную 30 лет назад, как вождь испанской компартии под именем «Пассионария». Тепло приветствовали на открытии съезда только присланного Тито члена политбюро югославской компартии.

Еще суровее поступили китайцы. Узнав о братании с Никсоном, они не только не прислали делегации, но запретили послу в Бухаресте присутствовать на съезде, на котором присутствовали все аккредитованные в Румынии послы. Только на трибуне печати явились два корреспондента пекинской печати в своих синих национальных костюмах. На дувшегося за столом Катусева никто не обращал внимания и все бурно приветствовали всякое упоминание Чауческу о независимости Румынии, о стремлении поддержать дружеские и выгодные экономические отношения со всеми государствами независимо от их политического строя и экономической структуры. Ни разу Чауческу не упомянул Никсона, ни США, но всякий намек на Запад встречал аплодисменты, которых не было, когда он по обязанности говорил о вечной дружбе с СССР, о братских компартиях стран сателлитов. В зале встречен всеобщим бойкотом делегат чехословацкой компартии, ибо румыны не прощают Гусаку его преклонения перед СССР и преследования сторонников Дубчека.

О результатах этого съезда я могу написать лишь в следующей статье.

Алексей Ростов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ДВЕ СТАТЬИ О НИКСОНЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

В журнале «Православная Русь» его редактор, архимандрит Константин (Зайцев) посвятил часть своей статьи президенту Р. Никсону.

Написав, что «человечество приблизилось к моменту решительному — к тому самоупраждению, которое Россия испытала в 1917 году», автор статьи прибавил:

«Сильнее всего это сказалось в действиях Никсона. Бывший антикоммунист, он считал нужным формально от своего антикоммунизма отказаться, готовясь стать президентом Соединенных Штатов. Задачей своей он поставил примирение с Москвой с переходом на совместное с нею строительство мировой жизни. Проблема Вьетнама воплощает в себе этот редчайший перелом. Свободный мир отказывается от освобождения своих братьев, приступая к устройению мира общими с их поработителями усилиями».

С другой точки зрения к Никсону и к его политике подошел вашингтонский корреспондент «Нью Йорк Таймс», известный американский публицист Джэкс Рестон.

«Президент, — сказано в его статье, — появляется то тут, то там, склоняясь сегодня направо, а завтра налево, но в столице преобладает впечатление, что эти зигзаги сознательно приближают его к миру во Вьетнаме и к соглашению с Москвой».

Вашингтон более чувствителен, чем Нью Йорк или другие места к главному направлению президентов и их политики. Он более заинтересован в основных тенденциях президентов, чем в ежедневных сообщениях Белого Дома, и ему кажется, что г. Никсон начал осторожное отступление от своей прошлой воинственной и антикоммунистической позиции.

Все туманные и даже противоречивые заявления президента по вопросам внешней и внутренней политики были здесь тщательнейшим образом проанализированы. Сегодня он говорит, что война во Вьетнаме будет одной из наших «самых славных эпох», а на следующий день он отзывает американские войска с поля сражения. Сегодня он подчиняется консервативным инстинктам Американской Братской Ассоциации или разделяет отрицательное отношение сенаторов южных штатов к школьной интеграции, а на следующий день он поддерживает ту социальную политику, против которой возражал в течение 20-ти лет... Он отдалается от Вьетнама и от президента Тью, в то же время говоря, что они замечательны. Он на словах хвалит на-

чалников штабов, но отклоняет их советы о том, как вести войну... Эти политические фокусы кажутся Вашингтону более понятными, чем остальной стране. Столица привыкла к тому, как президенты Вильсон, Рузвельт и Джонсон утверждали, что они твердо решили не вмешиваться в те войны, в которых они затем участвовали. Поэтому, она не удивлена тем, что г. Никсон пытается прекратить войну, которую он поддерживал с 1950 года».

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Нам пишут из Брюсселя:

Редакция журнала «Часовой» обратилась ко всем российским эмигрантским организациям с просьбой «использовать все их связи и возможности дабы поддержать вопрос о выдвижении кандидатуры А. И. Солженицына на очередную Нобелевскую премию по литературе».

«Дело очень трудное, — написал «Часовой», — и щекотливое, но самая постановка подобного вопроса при помощи иностранных обществ и учреждений будет иметь огромное моральное значение».

ПАСТЫРСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

В начале сентября в Св. Троицком монастыре в Джорданвилле, под председательством первоиерарха Русской Православной Церкви за границей, митрополита Филарета, состоится пастырское совещание духовенства названной Церкви в Соединенных Штатах и Канаде.

Совещание создано на основании пожелания, высказанного в мае с. г. предсоборной комиссией, учрежденной для подготовки предстоящего в 1971 году Третьего Всезарубжного Церковного Собора с участием представителей клира и мирян.

СЪЕЗД ПЕН-КЛУБОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

«Новое Русское Слово» объявило, что съезд международного объединения ПЕН-Клубов, который состоится в сентябре в Ментоне (Франция) вероятно обсудит преследование писателей и цензуру литературных произведений в Советском Союзе.

Председатель объединения, американский писатель и драматург Артур Миллер, пользовавшийся до сих пор репутацией попутчика коммунизма, заявил, что он потребует от съезда подробного обсуждения условий, которые побудили советского писателя Анатолия Кузнецова к отказу от возвращения в СССР.

Американский писатель В. Стайрон, побывавший в прошлом году в СССР, сказал журналистам, что он разделяет мнение Кузнецова о невозможности писательской свободы и независимости в Советском Союзе, но прибавил, что решение Кузнецова остаться в Англии похоже на предательство по отношению к таким писателям, как Александр Солженицын, Евгений Гинзбург, Андрей Синявский и Юлий Даниэль, которые — по словам Виллиама Стайрона — «по сво-

• «ЗАБОТА О ЧЕЛОВЕКЕ» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Закончилась сессия Верховного Совета РСФСР. Депутаты формально утвердили принятые без них решения по двум вопросам: о благоустройстве городов, рабочих поселков и сёл, а также указы президиума Верховного Совета федерации. Принят новый кодекс о браке и семье РСФСР.

«Главное — забота о человеке» — такой заголовок предпослала центральная советская печать материалам сессии. Однако эта «забота о человеке» даже в советской печати и в докладах на сессии выглядит весьма убого. С жилищами в стране все еще очень плохо. До сей поры не уничтожены коммунальные квартиры. По-прежнему мечтой советского гражданина остается отдельная крохотная квартирка или даже комната и эта мечта для миллионов советских граждан недостижима.

Планы ввода жилья в эксплуатацию из года в год срываются. Планирование жилищ и обеспечение их необходимыми видами благоустройства совершенно не отвечают современным требованиям жилищного строительства. Строятся не квартиры, а конурки с низкими потолками, малыми окнами и тонкими стенами. Отделочные работы ниже всякой критики. Еще хуже с жильем в рабочих поселках и селах. Многие деревни даже в подмосковьи, в 100-150-ти километрах от столицы по уровню благоустройства не отличаются от старой дореволюционной деревни. В большинстве деревень нет канализации, водопровода. Даже во многих городах нет водопровода и газа. Как всегда, не хватает необходимой аппаратуры и материалов.

Дороги на большей части страны в отвратительном состоянии. Весной и осенью деревни и рабочие поселки, как и во времена Гоголя, утопают в грязи. Городской транспорт не удовлетворяет нужд населения. Мало мастерских бытового обслуживания, магазинов, кафе, ателье, парикмахерских, прачечных как в городе, так и на селе.

Перебои с продуктами, отсутствие в ряде мест даже в сезон фруктов, свежих овощей, ягод, нехватка многих предметов первой необходимости — лишь дополняют картину пресловутой заботы руководителей партии и правительства о человеке.

Конечно, ни один депутат Верховного Совета Российской Федерации не имел достаточного гражданского мужества, чтобы рассказать об всем этом на сессии.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ
Abogado y Ex-Juez de Tribunal
de Yugoslavia
TRADUCTOR PUBLICO
Б Ю Р О
Присяжных Переводчиков
М. Д. ГОЧЕВАР
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз
LAVALLE 1570, p. 4
Т. Е. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

ему борются с цензурой и давлением власти и даже готовы сидеть в тюрьме за свои убеждения".

Опубликовав это заявление Стайрона, редакция "Нового Русского Слова" написала, что Стайрон "ловидимому не отдает себе полного отчета в условиях жизни писателей в Советском Союзе, если он сравнивает бегство Кузнецова с предательством".

"В своем перечислении героических писателей в СССР — написал также "Новое Русское Слово" — Стайрон, очевидно по недоразумению, упомянул Евгению Гинзбург — неисконную коммунистку, даже после своего многолетнего пребывания в концентрационном лагере на севере славословившую КПСС и отрицавшую ее причастность к сталинским чисткам".

ЕВРЕИ В СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

Проживающие в Лос Анжелос родственники советских граждан, московских евреев У. Клайсмера, В. Боруховича и Б. Шлейна, получили от них копию их письма Косыгину, в котором они заявили ему протест против препятствий, чинимых их эмиграции из СССР в Израиль.

Сообщив это, выходящее в Нью Йорке "Новое Русское Слово" прибавило, что судьба авторов этого протеста неизвестна и что, судя по делу киевского инженера Кочубеевского, также неудачно пытавшегося получить разрешение на выезд в Израиль, им может угрожать тюремное заключение по обвинению в антигосударственной деятельности.

По словам газеты, эмиграция евреев из Советского Союза в Израиль и на Запад прекратилась в 1967 году после арабско-израильской войны. Она возобновилась в незначительных размерах в декабре 1968 г., но вскоре была опять прекращена и теперь отъезд из СССР удается только в единичных случаях.

ЕВРЕЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Нам пишут из Нью Йорка:

Некоторые еврейские деятели и организации в Соединенных Штатах озабочены непомерно высоким участием еврейской молодежи в студенческих и других революционных демонстрациях и беспорядках. Они считают, что это участие противоречит еврейским интересам и отвлекает молодежь от еврейской жизни.

Этот вопрос обсуждался на состоявшейся в Нью Йорке конференции Ев-

рейского Социологического Исследовательского Института. Профессор Берkeleyского и Харвардского университетов по кафедре социологии Натан Глазер прочитал на этой конференции доклад, в котором обвинил так называемые новые левые группы в Соединенных Штатах в том, что они относятся пассивно к антисемитизму, отказываются от критики негритянского антисемитизма и, частично, поддерживают арабские страны, хотя, по мнению Глазера, между интересами арабов и интересами левых американских кругов нет ничего общего.

"Несмотря на это, — прибавил Глазер, — влияние новых левых групп на американских евреев, особенно на молодежь, гораздо более велико, чем было в свое время влияние сталинизма на тех же евреев".

По словам Глазера, евреи не обладают доминирующим положением среди руководства новых левых организаций, но составляют подавляющее большинство их участников. Вследствие этого, при любой левой демонстрации евреи составляют не менее половины ее участников.

Глазеру возразил Генри Шварцшильд, сказавший, что так же, как сионисты, в конце XIX века, предостерегали евреев о том, что Запад перестал быть для них безопасным, так же новые левые группы в Америке предостерегают, что Запад перестал быть безопасным для любого человека и справедливо добиваются перемен и реформ, участниками которых евреи должны естественно стать.

С. АЛЛИЛУЕВА

Нам пишут из Нью Йорка:

Издательство Раузен в Нью Йорке объявило, что 26-го сентября с. г. выйдет из печати и поступит в продажу вторая книга дочери Сталина, Светланы Аллилуевой: "Только один год", написанная на русском языке.

Английский перевод этой книги поступит в продажу позже.

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

(Карлос Кальво 2851)

В воскресенье, 7-го сентября с. г., будет показан

документальный, исторический фильм

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

Начало в 17.30 часов.

Вход 200 песо.

Знаменательный акт

В русской эмигрантской жизни иногда бывают события, вносящие в обывательский быт нечто исключительное. К таким явлениям надо отнести открытие мемориальной доски в память убиенной Царской Семьи, состоявшееся в воскре-

сарская Семья почтена иностранцами, природными республиканцами-демократами, привычками слышать самые невероятные небылицы о Государе, Государыне и всей Царской Семье. В течение многих десятков лет их психология прониклась враждебной пропагандой, направленной против Императорской России и монархического строя. Исто-

сенье 10-го августа с. г. в Буэнос Айресе, в Центре Русских Белых.

Эта памятная доска сооружена старанием аргентинского О-ва Голоса Истории Свободных Людей.

Во многих храмах Русского Зарубежья находятся памятники — иконы, в больших кнотах, с ликами святых, имена которых носили члены Царской Семьи, или Кресты с Их именами. Эти памятники воздвигнуты православными русскими людьми, чтущими память своего Государя и Его Августейшей Семьи. В данном случае трагически погибшая

Россия им преподносилась в лживом и искаженном свете, но ничто не затемнило у Свободных Людей их здравого смысла. Стоило им только соприкоснуться с правдивым освещением исторических событий и они стали друзьями Национальной России, и преклонились перед жертвами Екатеринбургского злодеяния.

Открытие памятной доски носило торжественный характер. Акт начался без опоздания. К назначенному часу Центр

Издательство ЕМЕСЕ выпустило на испанском языке

произведение А. Солженицына

"В КРУГЕ ПЕРВОМ"

в переводе Ирины Астрау.

Желающие ознакомиться своих друзей аргентинцев с этим произведением могут обращаться с заказами в Редакцию "Нашей Страны".

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 60

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

— Так это вы из-за меня не сказали "ага-ага"?

— А что вы думаете? — поглупел голос Костоглотова. — Вы ж мне адреса своего не оставили. Как бы я вас искал?

Но она возилась и нельзя было понять, насколько поверила.

— Что ж Людмилу Афанасьевну подводить? — опять громче рассказывал он. — Сижу, как чурбан, молчу. А Низамутдин: я сейчас пойду в амбулаторию и вам пять таких больших приведу! И всех — на днюх. Выписать! И вот тут я, наверно, сделал глупость — такой шанс потерял уйти. Жалко мне стало Людмилу Афанасьевну, она моргнула, как побитая, и замолчала. Я на коленях локти утвердил, горлышко прочистил и спокойно спрашиваю: "Как это так вы можете меня выпустить, если я с целинных земель?". "Ах, целинные! — перепугался Низамутдин (ведь это ж политическая ошибка!). — Для целины страна ничего не жалеет". И пошли дальше.

— У вас хваточка, — покрутила Зоя головой.

— Это я в лагере нахахалился, Зоенька. Я таким не был, Вообще у меня много черт не моих, а приобретенных в лагере.

— Но веселость — не оттуда?

— Почему не оттуда? Я — веселый, потому что привык к потерям. Мне дико, что тут на свиданиях все плачут. Чего они плачут? Их никто не ссылает, конфискации нет...

— Итак, вы у нас остаетесь еще на месяц?

— Типун вам на язык... Но недельки на две очевидно. Получилось, что я как бы дал Людмиле Афанасьевне расписку все терпеть...

Шприц был наполнен разогретой жидкостью и Зоя ускакала.

Ей предстояла сегодня неловкость, и она не знала, как быть. Ведь надо было и Олегу сделать новоназначенный укол. Он полагался в обычное все терпящее место тела, но при тоне, который у них установился, укол стал невозможен: рассыпалась вся игра. Терять эту игру и этот тон Зоя так же не хотела, как и Олег. А еще далеко им надо было прокатить колесо, чтобы укол стал снова возможен — уже как у людей близких.

И вернувшись к столу и готовя такой же укол Ахмаджану, Зоя спросила:

— Ну, а вы уколом исправно поддаетесь? Не брыкаетесь?

Так спросить — да еще Костоглотова! Он только и ждал случая объясниться. — Вы же знаете мои убеждения, Зоенька. Я всегда предпочитаю не делать, если можно. Но с кем как получается. С Тургуном замечательно: он все ищет, как бы ему в шахматы поучиться. Договорились: мой выигрыш — нет укола, его выигрыш — укол. Но дело в том, что я и без ладьи с ним играю. А с Марией не поиграешь: она подходит со шприцем, лицо деревянное. Я пытаюсь шутить, она: "Большой Костоглотов! Обнажите место для укола!". Она же слова лишнего, человеческого, никогда не скажет.

— Она ненавидит вас.

— Меня?

— Вообще вас — мужчин.

— Ну, в основе это, может быть, и за дело. Теперь новая сестра — с ней я тоже не умею договориться. А вернется Олимпиада — тем более уж она на йоточку не отступит.

— Вот и я так буду! — сказала Зоя, уравнивая два кубических сантиметра. Но голос ее явно отпускал.

И пошла колоть Ахмаджана. А Олег опять остался около столика.

Была еще и вторая, более важная причина, по которой Зоя не хотела, чтоб Олегу эти уколы делались. Она с воскресенья думала, сказать ли ему об их смысле.

Потому что если вдруг проступит серьезным все то, о чем они в шутку перебрываются — а оно могло таким проступить. Если в этот раз все не кончится печальным собираньем разбросанных по комнате предметов одежды — и состоится что-то долговечное, и Зоя действительно решится быть пчелкой для него и решится поехать к нему в ссылку (а в конце концов он прав — разве знаешь, в какой глуши подстерегает тебя счастье?) так вот в этом случае уколы, назначенные Олегу, касались уже не только его, но и ее.

И она была — против.

— Ну! — сказала она весело, вернувшись с пустым шприцем. — Вы, наконец, расхрабрились? Идите и обнажите место для укола, больной Костоглотов! Я сейчас приду.

Но он сидел и смотрел на нее совсем не глазами больного. Об уколах он и не думал, они уже договорились.

Он смотрел на ее глаза, чуть выкаченные, просящиеся из глазниц.

— Пойдемте куда-нибудь, Зоя, — и е выговорил, а проурчал он низко.

Чем глуше становился его голос, тем звонче ее.

— Куда-нибудь? — улынулась и засмеялась она. — В город?

— Во врачебную комнату.

Она приняла, приняла, приняла в себя его неотступный взгляд, и без игры сказала:

— Но нельзя же, Олег! Много работы.

Он как будто не понял:

— Пойдемте!

— Правильно, — вспомнила она. — Мне нужно наполнить кислородную подушку для... — Она кивнула в сторону лестницы, может быть назвала и фамилию больного, он не слышал. — А у баллона кран туго отворачивается. Вы мне помогите. Пойдемте.

И она, а следом он, спустились на один марш до площадки.

Тот желтый, с обостренным носом несчастный, додеваемый раком легких, всегда ли такой маленький или съезженный теперь от болезни, такой плохой, что на обходах с ним уже не говорили, ни о чем его не расспрашивали — сидел в постели и часто дышал из подушки, со слышным хрипом в груди. Он и раньше был плох, но сегодня гораздо хуже, заметно и для неопытного взгляда. Одну подушку он кончил, другая пустая лежала рядом.

Он был так уже плох, что и не видел совсем людей — проходящих, подходящих.

Они взяли от него пустую подушку и спускались дальше.

— Как вы его лечите?

— Никак. Случай иноперабельный. А рентген не помог.

Советский быт

ОЧЕРЕДЬ, ОЧЕРЕДЬ И ЕЩЕ РАЗ ОЧЕРЕДЬ

(КРС) Кто из советских людей не знает, что такое очередь? Кому из них не знакома классическая фраза: — "Кто последний? Я за вами"? Так было, так есть и так, видимо, еще долго будет.

"Почему у нас выражаются недовольство стоянием в очередях? — спрашивал Аркадий Аверченко в самом начале революции. — Очередь — это массовая демонстрация всеобщего равенства и устранения классовых противоречий. В очереди во имя единой цели

(полфунта конины, недопеченный хлеб и пакетик сахара) одинаково забнут и одинаково волнуются пролетарий и буржуй, безбожник и поп, прачка и балерина, черносотенец и еврей. К равенству и братству надо терпеливо приучать всех и приучать годами... Да... очередь, друзья мои... лучшая школа всеобщего равенства".

Эта горькая шутка Аркадия Аверченко вспоминается при чтении недавно статьи об очереди в таком солидном журнале, как "Вопросы экономики". Автор статьи — экономист Орлов — подсчитал, что на стояние в очередях население Советского Союза ежегодно тратит 30 миллиардов часов. И Орлов подсчитал, что эти 30 миллиардов часов равносильны годовой работе 15 миллионов людей, занятых на производстве.

Кто же больше всего страдает от очереди? Шарлотта Сайковская, корреспондентка американской газеты "Christian Science Monitor" недавно побывала на Украине и беседовала там с группой африканских негров, студентов киевского университета. Один из этих негров сказал журналистке: "Это не социализм. Я слишком много наблюдал здесь. В Гастроном приходит член Центрального комитета партии. Он не становится в очередь, а идет вперед, вынимает свой партбилет и уносит корзину, полную продуктов. А колхозник в

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корневых зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A. Один квартал от подземной жел. дор. Rio de Janeiro по улице Corrientes.

Русских Белых был заполнен публикой. Была представлена почти вся русская национальная общественность. Присутствовали представители аргентинских антикоммунистических организаций. На акт прибыли посол Национального Китая д-р Мао Лян-Туан и секретарь Вьетнамского посольства д-р Тран-Ван-Кую и делегация О-ва Голоса Свободных Людей.

Были получены приветствия от г-на Министра Общественного Благополучия и г-на Министра Телекоммуникации, от ряда организаций и отдельных лиц.

Акт открыл председатель ЦРБ Н. М. Седляревич. Памятная доска была украшена на стене под большим портретом Царской Семьи и покрыта бело-желто-черным романовским флагом. Флаг с доски был снят почетным председателем О-ва Голоса Истории Свободных Людей ген. Б. Э. Гажо и председателем ЦРБ Н. М. Седляревичем. Этот момент зал приветствовал единодушными аплодисментами. Полк. Паулино Пастор — председатель О-ва Г.И.С.Л. — прочел небольшой доклад, в котором

говорилось об Императорской России и Царской Семье. Докладчик был награжден долго несмолкаемыми аплодисментами. Затем были исполнены аргентинский и русский гимны (граммофонная запись). Этим была закончена официальная часть.

После этого Н. Д'Урси, под аккомпанемент М. Алитты, исполнил "Авэ Мария", а Е. П. Анцибор с большим настроением прочла стихотворение "Царевны" М. М. Шелеховой-Бенке. Выступавшие произвели глубокое впечатление и слушатели искренне их благодарили аплодисментами.

Памятная доска, размером 40x70 см., с надписью и пальмовой ветвью художественно исполнена и отлита из бронзы. Ее обрамляет, шириной в 17 см., темная бархатная канва с золотой обводкой.

Акт был запечатлен на телевизионную ленту и демонстрировался тремя буэнос-айресскими каналами.

Вся столичная пресса большими заметками отметила это торжество.

Присутствовавший

— Грудной клетки вообще не вскрываете?

— В нашем городе еще нет.

— Так он умрет.

Она кивнула.

И хотя в руках была подушка — для него, чтобы он не задохнулся, они тут же забыли о нем. Потому что интересное что-то вот-вот должно было произойти.

Высокий баллон, с кислородом, стоял в отдельном запертом сейчас коридоре — в том коридоре около рентгеновских кабинетов, где когда-то Гангарт впервые уложила промокшего умирающего Костоглового. (Этому "когда-то" еще не было трех недель...).

И если не зажигать второй по коридору лампочки (а они зажгли только первую), то угол за выступом стены, где стоял баллон, оказывался в полутьме.

Зоя была ростом ниже баллона, а Олег выше.

Она стала соединять вентиль подушки с вентиляем баллона. Он стоял сзади и дышал ее волосами — выбросными из-под шапочки.

— Вот этот кран очень тугой, — пожаловалась она.

Он положил пальцы на кран и сразу открыл его. Кислород стал переходить с легким шумом.

И тогда, безо всякого предлога, рукой, освободившейся от крана, Олег взял Зою за запястье руки, свободной от подушки.

Она не вздрогнула, не удивилась. Она следила, как надувается подушка. Тогда он поскользился рукой, охватывая, от запястья выше — к предло-

котью, через локоть — к плечу.

Бесхитростная разведка, но необходимая ему, и ей. Проверка слов, так ли они все приятны.

Да, так.

Он еще челку ее трепанул двумя пальцами, она не возмутилась, не отпрянула, — она следила за подушкой.

И тогда сильно охватив ее по плечьям, и всю наклонив к себе он, наконец, добрался до ее губ, столько ему смеявшихся и столько болтавших губ.

И губы Зои встретили его не раздвинутыми, не смягченными, не расслабленными — а напряженными, встречными, готовыми.

Это все выяснилось в один миг, потому что минуту до того он еще не помнил, он забыл, он не знал, что губы бывают разные, поцелуи бывают разные, и один совсем не стоит другого.

Но начавшись клеветкой, это теперь тянулось, это был все один хват, очень долгий слив, который никак нельзя было кончить, да и незачем было кончать. Переменная и переменная губами, так можно было остаться навсегда.

Но со временем, через два столетия, губы все же разорвались и тут Олег в первый раз увидел Зою и сразу же услышал ее:

— А почему ты глаза закрываешь, когда целуешься?

Он закрывал глаза? Он этого не знал! Он не заметил.

И как, едва отдышавшись, ныряют снова, чтобы там, на дне, на дне, на самом доньшке выловить залежную жемчужину, они опять сошлись губами, но теперь он заметил, что закрыл глаза, и сразу же открыл их. И увидел близко-близко, невероятно близко, нанскось два ее желто-карих глаза, показавшихся хищными. Одним глазом он видел один глаз, а другим другой. Она целовалась все теми же уверенно напряженными опытными, стянутыми губами, не выво-

† 3-го августа 1969 года, в гор. Бюрлингем, Калифорния, после продолжительной и тяжелой болезни на 54-ом году жизни скончался

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ СКАРЕДОВ,

бывший руководитель Группы Российского Народно-Монархического Движения в гор. Шанхае и член Отдела РНМД в гор. Сан Франциско, Калифорния, о чем с прискорбием сообщает Отдел РНМД в гор. Сан Франциско и выражает искреннее соболезнование Ариадне Ивановне с сыновьями.

От нас ушел в лучший мир активный народный монархист.

Мир праху твоему, дорогой борец за воскресение России!

† 4-го августа с. г. волею Божией скоропостижно скончалась

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БУТЬКО

урожд. МОЗОЛЕВСКАЯ,

о чем с прискорбием сообщают друзья покойной.

валенках продолжает оставаться в конце хвоста".

Да, членам ЦК некогда стоять в очередях: они с простыми смертными отнюдь не уравниваются в правах, — они ведь заняты неустанными заботами о всеобщем благе. В том числе и о колхозниках в валенках. Ну, а прочие, о коих когда-то упоминал Аверченко, — народ крепкий, выносливый, они потерпят и постоют.

У некоторых, правда, есть возможность обходиться без очередей — им на выручку приходит спекуляция или блат. Общеизвестно, что те же товары, за которыми надо подолгу стоять в очереди, на черном рынке можно получить

без всякой очереди. Вся разница в цене; но время, как известно, деньги, и тому, у кого нет времени, приходится бить челом спекулянту. А люди со связями прибегают к блату.

Всем известно, что очереди неизбежны там, где продуктов постоянно не хватает и где в частности поэтому низкий жизненный стандарт. Но есть, конечно, этому явлению и другие причины: например, — пренебрежение властью имущих к нуждам и заботам народа. Другая причина — неспособность так называемого планового хозяйства к гибкости, к умению удовлетворить эти нужды и заботы даже тогда, когда это возможно. ●

● СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Закончилось пребывание в Советском Союзе делегации Национального Совета губернаторов Японии. В коммюнике по этому поводу говорится, что развитие многосторонних контактов между Японией и Советским Союзом содействует укреплению дружбы, взаимопониманию и сотрудничеству между обеими странами.

С другой стороны в "Правде" в начале августа опубликованы статьи под общим названием "Многоликая Япония", в которых утверждается, что в Японии усиливается деятельность националистических и шовинистических элементов, говорится об усилении классовой борьбы в Японии и о том, что японский империализм тесно связан с империализмом американским.

Появление подобных статей, инспирированных сверху, вряд ли содействует развитию контактов и укреплению дружбы, о которых говорилось в коммюнике, но ясно выявляет двуличность советской политики.

рачивая их, и еще чуть-чуть покачивалась, — и неотрывно смотрела, как бы выверяя по его глазам, что с ним делается после одной вечности, и после второй, и после третьей.

Но вот глаза ее скосились куда-то в сторону, она резко оторвалась и вскрикнула:

— Кран!

Боже мой, кран! Он выбросил руку на кран и быстро завернул.

Как подушка не разорвалась!

— Вот что бывает от поцелуев! — еще не уловив дыхания, сорванным выдохом сказала Зоя. Челка ее была растрепана, шапочка сбилась.

И, хотя она была вполне права, они опять сомкнулись ртами и что-то перетянуть хотели к себе один от другого.

Коридор был со стеклянными дверьми, может быть кому-нибудь из-за выступа и были видны поднятые локти — ее белые и его розовые — ну и шут с ним.

А когда все-таки воздух опять пришел в легкие, Олег сказал, держа ее за затылок и рассматривая:

— Золотончик! Так тебя зовут. Золотончик.

Она повторила, играя губами:

— Золотончик?.. пончик?..

Ничего, можно.

— Ты не испугалась, что я ссыльный? Преступник?..

— Не, — она качала головой легкомысленно.

— А что я старый?

— Какой ты старый!

— А что я больной?..

Она уткнулась лбом в его грудь и стояла так.

Еще ближе, ближе к себе он ее притянул, эти теплые эллиптические кронштейники, на которых так и неизвестно, могла ли улежать тяжелая линейка, и и говорил:

— Правда, ты поедешь в Уш-Терек?.. Мы женемся... Мы построим себе там домик.

Это все и выглядело, как то продолжение, которого ей не хватало, которое было в ее натуре пчелки, — то устойчивое созидательное продолжение после предметов одежды, в чаду разбросанных по комнате. Прижатая к нему и всем лбом осящая его, она всем лбом хотела угадать: он ли? От него ли суждено ей?..

Она потянулась и локтем опять обняла его за шею:

— Олелек! Ты знаешь — в чем смысл этих укулов?

— В чем? — терся он щекой.

— Эти укулы... Как тебе объяснить... Их научное название — гормонотерапия... Они применяются перекрестно: женщинам вводят мужские гормоны, а мужчинам — женские... Считается, что так подавляют метастазирование... Но прежде всего подавляются вообще... Ты понимаешь?

— Что? Нет! Не совсем! — тревожно отрывисто спрашивал переменившийся Олег. Теперь он держал ее за плечи уже иначе — как бы вытрясая из нее истину. — Ты, говори, говори!

(Продолжение следует)

Пастернак как драматург

(КРС) В ближайшее время на Западе будет впервые опубликована пьеса Бориса Пастернака "Слепая красавица". На тех, кто предварительно ознакомился с этой пьесой, она произвела разное впечатление. Одни считают ее творческой неудачей Пастернака; другие нашли, что это лишь черновик, по которому судить о том, что из него могло бы получиться, еще нельзя. Наконец, третьи полагают, что если бы эта пьеса была поставлена режиссером масштаба Евреннова, Мейерхольда или Таирова, то она и в таком несовершенном виде могла бы стать сценичной. Причем, разделяющие это мнение ссылаются на давние симпатии Пастернака к режиссерам-новаторам, которых Пастернак особенно ценил. Это его оценка отразилась в ряде стихотворений, которые позволяют судить об отношении поэта вообще к театру. Например, вот как писал об этом Пастернак в стихотворении "Мейерхольдам".

Желоба коридоров иссякли.
Гул отхлынул и сплыл, и заглох.
У окна, опоздавши к спектаклю,
Вяжет вьюга из хлопьев чулок.

Скрытым ходом за сценой залайте,
И обуглясь у всех на виду,
Как дурак, я найду к вам в антракте,
И смешаюсь и слов не найду.

Я люблю ваш нескладный развалец,
Жадной проседи взбитую прядь,
Если даже вы в это выгались,
Ваша правда, так надо играть.

Так играл пред землей молодой
Одаренный один режиссер,
Что носился как дух над водою
И ребро сокрушенное тёр.

И протискавшись в мир из-за дисков
Наобум размещенных светил,
За дрожащую руку артистку
На дебют роковой выводил.

Той же пьесой неповторимой,
Точно запахом краски дыша,
Вы всего себя стерли для грима.
Имя этому гриму — душа.

И театр, и кино Пастернак любил и ценил прежде всего как поэт. Об этом говорят такие его стихи, как "Ты так играла эту роль", "Елене", "Маргарита", "Мефистофель", "Шекспир", "Актрисе" и другие. Последнее стихотворение написано Пастернаком 22-го февраля 1957 года и посвящено им актрисе МХАТ-а Анастасии Платоновне Зуевой, — в это время Борис Пастернак решил перейти от переводов бессмертных драматических произведений к оригинальной драматургии. Вот стихотворение Пастернака "Актрисе":

Прошу простить. Я сожалею.
Я не могу. Я не приду.
Но мысленно — на юбилее,
В оставленном седьмом ряду.

Стою и радуюсь, и плачу,
И подходящих слов ищу,
Кричу любые наудачу,
И без конца рукоплещу.

Смягчается времен суровость,
Теряют новизну слова,
Талант — единственная новость,
Которая всегда нова.

Меняются репертуары,
Стареет жизни ералаш.
Нельзя привыкнуть только к дару,
Когда он так велик, как Ваш.

Он опрокинул все расчеты
И молодеет с каждым днем,
Есть сверхъестественное что-то
И что-то колдовское в нем.

Для Вас в мечтах писал Островский
И Вас предвосхищал в ролях,
Для Вас воздвиг свой мир московский
Доносчик, приживалок, свах.

Движеньем кисти и предплечья,
Ужимкой, речью нараспев
Воскрешено Замоскворечье
Святых и грешниц, старых дев.

Вы — подлинность, Вы — обаянье,
Вы вдохновение само.
Об этом всем на расстоянии
Пусть скажет Вам мое письмо.

Пастернак восторгался Мейерхольдом за его вечную борьбу с театральной рутинной, с косностью и застоєм на театре. А стихотворение "Актрисе" связано с некоторым разочарованием Бориса Пастернака в позднем МХАТ-е.

Художник Леонид Осипович Пастернак, отец нобелевского лауреата, считал, что "театр — это живопись в движении". Такой взгляд передался и сыну художника, поэту и переводчику. И не случайно в своих "Заметках к переводам шекспировских трагедий" Пастернак уловил некую общность у Рембрандта, Тициана, Микельанджело, Шекспира. Общность их он видел прежде всего в могущественном и дерзновенном метафоризме этих великих людей. Пастернак писал:

"Метафоризм — естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм — стенография большой личности, скорюпись ее духа.

Бурная живопись кисти Рембрандта, Микельанджело и Тициана не плод их обдуманного выбора. При ненасытной жажде написать по целой вселенной, которая их обуревала, у них не было времени писать по-другому.

Шекспир объединил в себе далекие стилистические крайности. Он совместил их так много, что кажется, будто в нем живет несколько авторов. Его проза закончена и отделана. Она написана гениальным комиком-деталистом, владеющим тайной сжатости и даром передразнивания всего любопытного и диковинного на свете...

Стиль Шекспира отличают три особенности. Его драмы глубоко реалистичны по духу. Их выполнение глубоко естественно в местах, написанных прозой, или когда куски стихотворного диалога сопряжены с действием или движением. В остальных случаях поток его белого стиха повышенно метафоричен...

Образная речь Шекспира неоднородна. Порой это высочайшая поэзия, требующая к себе соответствующего отношения, порой откровенная риторика... Как бы то ни было, метафорический язык Шекспира в своих прозрениях и риторике, на своих вершинах и в своих провалах верен главной сущности всякого истинного иносказания...

По этому поводу надо сказать: Борис Пастернак потом так подчеркивает метафоризм Шекспира, что он сам, в сво-

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

El tren se arrastra pesadamente por la llanura nevada, parando en todas las estaciones y apeaderos. El paisaje de los países Bálticos probablemente no se diferencia en nada del de Rusia Septentrional. Sobre todo en invierno. La misma nieve, los bosques de pinos y los troncos blancos de los abedules. Los mismos trineos con campanillas y arcos de madera sobre el pescuezo de los caballos. Hasta los hombres parecen ser los mismos, por lo menos a la distancia. Visten abrigos de piel de oveja, botas de fieltro y abrigadas gorras con orejeras. Y sin embargo, se siente que esto no es todavía "lo auténtico".

(Continuará)

их стихах и в прозе, подчеркнуто метафоричен. В этой черте творчества Шекспира Пастернак увидел особенно близкое себе самому. Пастернак писал:

"Шекспир всегда будет любимцем поколений, исторически зрелых и много переживших. Многочисленные испытания учат ценить голос фактов, действительное познание, содержательное и нешуточное искусство реализма. Шекспир остается идеалом и вершиной этого направления. Ни у кого сведения о человеке не достигают такой правильности, никто не излагал их так своевольно. На первый взгляд это противоречие качества. Но они связаны прямой зависимостью. В первую очередь, это — чудо объективности. Эти его знаменитые характеры — галерея типов, возрастов и темпераментов с их отличительными поступками и особым языком. И Шекспира не смущает, что их разговоры переплетаются с излияниями его собственного гения".

Приведенные Козинцевым замечания Пастернака, как переводчика Шекспира, его посвященные театру и театральным деятелям стихи и другие высказывания поэта, показывают огромную заинтересованность Пастернака театром. Это и толкало его к тому, чтобы самому заняться драматургией. Но поэт не успел осуществить это свое желание и драматургия его занимает скромное и, добавлю, не лучшее место в творческой деятельности нобелевского лауреата. Нельзя не согласиться с тем, кто находит, что его пьеса "Слепая красавица" — это не пьеса, а только черновик, по которому трудно судить о том, во что вылился бы замысел автора. И все-таки, Пастернак остается Пастернаком даже в черновых заметках, неоконченных и неотрефлексированных своих драматических произведениях.

По мнению известного критика В. Завалишина, в пьесе "Слепая красавица" отразилось влияние "Жакерии" Проспера Мерме и исторических опытов Александра Дюма (отца). Поэтому у "Слепой красавицы" во всяком случае есть одно бесспорное достоинство: фабульная изобретательность. Однако Пастернак, возможно, для того, чтобы его не обвиняли в зависимости от Дюма-отца,

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

нашел остроумный выход из положения: он сделал Александра Дюма - старшего эпизодическим персонажем своей пьесы "Слепая красавица".

Кстати, Пастернака в СССР могут обвинить в том, что он проводит явную параллель между крепостничеством и колхозной системой. Независимо от того, сильно или слабо написана пьеса Пастернака "Слепая красавица", ознакомившийся с ней может сказать: неужели Россия такая несчастная страна, что никогда не увидит ни свободного земледелия, ни свободной инициативы хлебороба?

Вот что в пьесе Пастернака говорит образованный русский разночинец Саша Ветхопещерников Александру Дюма-отцу:

"Наши свободолюбцы, увы, заняты спасением целых народов. Предмет их попечения всё человечество, а не отдельные люди... у нас отмерло или ослабло гражданское чувство повседневности и личного достоинства, зато мотыльки предопределенного избранничества и всечеловеческой взаимности... достигли большей силы, чем где-либо на свете".

Как бы ни относиться к пьесе Бориса Пастернака "Слепая красавица", нельзя в ней не признать ни проблесков смелой мысли, ни стремления автора преодолеть фабульное оскудение советской драматургии. ●

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.

Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital

T. E. 88 - 3605

Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital

Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

Желающих купить или заказать уругвайские грибы (маринованные по цене 700 песо банка около килограмма весом и сушеные по цене 200 арг. песо за 100 грамм) просят звонить по телефону 51-7405, Б. Айрес.

Н. Н. ОРЛОВ

"ВОЖДИ"

Роман из жизни эмиграции в Югославии, Чехословакии и Франции. Два тома. 815 стр. большого формата. Со многими иллюстрациями. Цена 8 долл. В странах Южн. Америки — 6.50.

Из стывов: "Книга "ВОЖДИ" является не только романом из жизни Белой эмиграции в Праге, Югославии и Париже, но также затрагивает проблемы, которые в нашу страшную эпоху атомных бомб имеют общечеловеческое значение. Глубокий смысл и ценность книги лежат в плане разрешения этих проблем путем, по которому до сих пор отказывалось идти человечество, — путем, указанным Христом. Со страстной убедительностью автор показывает, что все иные пути завели измученное человечество не только в тупик отчаяния и духовной смерти, но и поставили его под угрозу неизбежной катастрофы. Недаром автор говорит: "нельзя разрешить ни одного вопроса, не разрешив предварительно религиозного вопроса". Многие страницы, посвященные религиозной проблеме, не только убедительны, но и захватывают, увлекают читателя сознательной и глубокой верой в религиозный смысл жизни". ("Русская Жизнь").

В романе дается глубокий анализ противоречий религиозных идей Ветхого и Нового Заветов и основных причин так наз. "еврейского вопроса".

В США книги продаются:

RUSSIAN BOOKSTORE "RUSS"

443 Balboa St., San Francisco 94118, Calif.

"IZBOOSHKA"

1032 North Western Ave., Los Angeles 29, Calif.

Можно выписывать также через ред. "Нашей Страны" и "Книга-Почтой".

КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИИ В АРГЕНТИНЕ И СОЮЗ
РОССИЙСКИХ АНТИКОММУНИСТОВ приглашают на
ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

31-го августа в 16 часов, зал на ул. Chacabuco 863.

Театральная Группа им. А. С. ПУШКИНА поставит спектакль

МЕТЕЛЬ

А. С. ПУШКИНА

и отрывок из произведения Н. В. ГОГОЛЯ

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

Обе вещи в переделке для сцены Е. Н. ЧУДИНОВОЙ-ГАЧИНСКОЙ

Режиссер: И. Н. ЛАНСКАЯ

Участвуют: г-жи Е. ВАСИЛЕВСКАЯ, Е. ВОЙЦИШЕК, Е. ГАЧИНСКАЯ,
Н. КАЛИНЯК, И. ЛАНСКАЯ, Т. МИХАЙЛОВА (балерина), Т. ПЛИЩЕНКО,
г-да: А. ВЕДОВ, И. ЛАПШИН, А. ЛЫГИН, А. ПЛИЩЕНКО, А. ТОЛИН,
В. ТРОФИМОВ.

После спектакля состоится чествование Е. Н. Чудиновой-Гачинской в связи

с 50-летием творческой и сценической ее деятельности.

Билеты заказывать по телефонам: 797-3089 (г-жа Ланская), 791-9749 (г-жа

Асеева), 758-0045 (г-жа Вербицкая, г-н Пономаренко).